

ВЛАДИМИР ШКОДА

СИЛА. ПРАВО. ЛЮБОВЬ

Впрочем, помня о том, что идея прогресса — ментальная новация, можно представить дело и так, что сила, право и любовь вечно пропитывают общественную среду. Они всегда были, есть и будут.

СИЛА

Философы долгое время были удивительно равнодушны к силе как антропологической характеристике. Их больше интересовала душа, меньше тело. Этому можно дать простое объяснение: люди силы — воины и трудящиеся — не пишут книг. И все-таки наступило время, когда сила оказалась в центре внимания. Английский мыслитель Томас Гоббс был, пожалуй, первым, кто среди способностей человеческой природы телесную силу поставил на первое место. Потому его называют иногда философом силы. Я бы назвал так и Карла Маркса. Известно почему — главная категория у К. Маркса — труд, т. е. процесс, в котором сила человека, направленная на предметы природы, придает им формы, адекватные человеческим потребностям. К. Маркс много размышлял о «рабочей силе». Он почти свел человека к рабочей силе (или обнаружил, что сама жизнь это осуществила). Того несчастного человека, который стал частицей всеобщей природной силы, присутствующей в гигантской системе промышленного производства. К. Маркс посвятил свою жизнь освобождению человека от нечеловеческих условий труда.

Для Т. Гоббса главная категория — не труд, а война. Тоже известно почему. Согласно логике историзма, т. е. идее поступательного

© Владимир Шкода, 2004

Публикуется по изданию: Шкода В. Сила. Право. Любовь //

Шкода В. *Философия in Action*. — Харьков: Консум, 2004. — С. 422–428.

Впервые опубликовано в газете «День», №146 (2002).

движения добра, исходная точка человеческой истории — это разгул жестокости и насилия. Томас Гоббс назвал этот этап в развитии человечества «естественным состоянием». В этом состоянии «каждому было позволено делать что угодно и по отношению к кому угодно, владеть и пользоваться всем, чем он хотел и мог» (Т. Гоббс). Это была не просто война, а война всех против всех. Итак, труд и война — две фундаментальные формы социального бытия, две формы проявления силы. Существует гипотеза, согласно которой война первична. В том смысле, что труд возник как результат мутации, а именно — случайного переноса человеческой агрессии и силы, конечно, с другого человека на предмет природы.

В сообществах, где господствует телесная сила, первичным из чувств, считал Т. Гоббс, является страх как «любое предвидение будущего зла». Это сложное чувство включает в себя недоверие, подозрение, осторожность, предусмотрительность, позволяющую избежать опасностей. Этот жестокий мир знаком нам по описаниям жизни в тюремной камере, казарме, шайке. Там царит дух доминирования, наживы и извращенного честолюбия. Стоит согласиться с Т. Гоббсом: естественное состояние — «отвратительное состояние».

Впрочем, такая оценка лишь демонстрирует особенность нашего воспитания или ценностное предпочтение, свойственное определенной культуре. Это — культура капитализма, в основе которой лежат такие фундаментальные ценности как труд и разум, и их технологическое воплощение — товарное производство. Там же, где труд, производство вообще, не является главной общественной целью и основным предметом общественного интереса, естественное состояние вовсе не воспринимается как отвратительное. Напротив, оно естественно в прямом смысле, т. е. натурально. А в природе, идет борьба за существование, борьба без правил, в которой побеждает сильнейший. В этом состоянии ценностью является мужество, честолюбие, готовность к риску, потребность пощекотать нервы — себе и другому.

Между тем естественное состояние в представлении Т. Гоббса неконструктивно в хозяйственном отношении. Война не создает материальные ценности, а лишь уничтожает их или, в лучшем случае, перераспределяет. Огромная социальная энергия уходит, строго говоря, впустую — не на созидание, а на охрану и защиту. В естественном состоянии «нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда» (Т. Гоббс). Таким образом, отказ от силы как средства достижения статуса характеризует суть капитализма. Этому образу жизни адекватен иной способ регуляции социальных

отношений. Так, из потребностей самой жизни, как бы естественным образом, возникает право в современном его понимании.

«Современное понимание» упомянуто здесь не случайно. Ведь право возможно и при господстве силы. То право, точнее права, которые обретаются в бою. Когда возникает такая ситуация: я признаю ваше право (делать то-то и то-то) потому, что я вынужден считаться с вашей силой. Это — личные права. О них пишет Ортега-и-Гассет: «Дворянские привилегии по происхождению были не пожалованиями, не милостями, а завоеваниями. Их признавали, ибо данное лицо всегда могло собственной силой отстоять их от покушений».

ПРАВО

От войны к труду — таков Большой проект Т. Гоббса. Надобно воспеть силу созидания, а не силу завоевания, надобно оправдать социальный порядок, опирающийся на общее для всех право. Такая идеологическая стратегия отвечает новому, капиталистическому, образу жизни. Собственно, на смену милитаристской или, по Платону, тимократической культуры шла культура производственная. Но это в нашем, современном понимании, густо замешанном на релятивизме. А сам Т. Гоббс видел ситуацию в контексте абсолютного поступательного движения добра. Он считал, что главным фактором этого движения является Разум. И выход из отвратительного и несчастного естественного состояния виделся ему в подчинении людей велеанию Разума, или естественному закону, смысл которого прост: «Ищи мира, и следуй ему!».

Здесь надо искать истоки права. Юристы учат, что право — система охраняемых государством норм. Да, это так, но при таком определении право выглядит чем-то внешним по отношению к человеку. Не видно, причастен ли сам человек к его рождению. А ведь оно рождается, в известном смысле, из разума. Но не абсолютного или Божественного разума, а из здравого понимания того, что первое дело для спокойной жизни — договориться с соседом. Определиться, как говорят сегодня, не осознавая, скорее всего, сколь точно сказано. Ибо речь идет об установлении пределов, границ той сферы, где каждый может действовать по своему усмотрению. Для этого еще не нужно никаких норм и никакого государства. Все это придет потом.

Как Аврам и Лот разделили пастбища, когда земля стала для них непоместительна? Аврам сказал: «Не вся ли земля пред тобой. Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то

я налево» (Быт. 13, 9). Аврам нашел и предложил способ исключить дискомфорт, вызываемый скученностью стад, и прекратить ссоры между его пастухами и пастухами Лота. Из таких индивидуальных находок эволюционно формируется система правил, по которым люди разрешают разнообразные жизненные трения и конфликты. А конфликты неизбежны, и главная их причина в ограниченности потребных людям ресурсов. Правила же эти не просто — советы или пожелания. Они, как говорят, имеют принудительную силу. И это, разумеется, не метафора. Сила не исчезает из социального пространства. Она сосредоточивается в особой инстанции, как бы национализируется, и стоит наготове за спиной права. Здесь уже можно говорить о государстве. Сила как социальный инструмент не может исчезнуть, прежде всего, потому, что каждый индивид обладает силой, которой порой нельзя противопоставить ничего, кроме еще большей силы.

Ключевая категория правового общества — равенство. И договор, разумеется, тоже, как процедурное воплощение равенства. «Без договора нет права» (Ф. Ницше). Заметьте, договор конституирует право, а не наоборот, как можно прочесть в наших учебниках правоведения. Милитаристской культуре чуждо равенство. Там есть победитель и побежденный, господин и раб. И здесь надо отметить различие между естественным состоянием и милитаристской культурой. «Естественное состояние» — это модель, теоретический конструкт или, как заметил Д. Юм, «философская фикция». Естественного состояния, т. е. полного отсутствия всякого права, в истории никогда не было. А милитаристская культура — историческая реальность. Продумайте, читатель, феномен дуэли и вы поймете суть милитаристской культуры и специфику ее права.

Правовое состояние — шаг вперед на пути социальной эволюции. Оно предполагает симметричную взаимность претензий и защиту прав не путем физического столкновения, а путем ГОВОРЕНИЯ. От «говoreния», кстати, происходит «договор». Правовед может прервать здесь мои рассуждения и возразить: вы ведете речь о праве частном, а как вписывается в договорную теорию право публичное, в частности, уголовное? А никак, отвечу, не вписывается. И ничего страшного. Просто уголовное право — вовсе даже не право. Это весьма эффективный социальный институт отбраковки и изоляции тех индивидов, которые не признают говорение в качестве способа отстаивания своих прав. Изоляция выступает и мерой наказания в культуре, где свобода является высшей ценностью.

ЛЮБОВЬ

Мы переходим, скажем так, к высшему этапу социальной эволюции. Но человечество не имеет опыта жизни, в которой любовь играла бы такую роль, как сила и право. В больших масштабах, разумеется. Но об этой жизни мы немало знаем, благодаря христианскому учению. И знаем, что в масштабах малых такая жизнь существует вот уже два тысячелетия. Христианство возникло в государстве, т. е. в условиях господства и силы, и права. Оно было гонимо, потому что явило опасный для государства образ жизни. Опасный не мятежом, а равнодушием к власти. Оно учило не захватывать, не защищать свое, не судиться, а отдавать. Любить в социальном смысле — значит, прежде всего, преодолеть уходящую в пещерный век дихотомию «свой-чужой», экзистенциально освоить смысл слова «ближний». Между прочим, это — серьезно. Не сказано ведь: любите человечество, любите народ. В основе величайших преступлений против человечности лежит абстрактная любовь к народу. Любви к ближнему действительно нужно учиться. Не столько путем умствования, сколько подражанием.

Кто-то скажет, что описанная мной схема, эти три этапа жизни человечества, — не более, чем плод интеллектуальных забав университетского профессора. Согласен, но что-то, поверьте, влечет к историческим схемам. К. Маркс придумал пять формаций, А. Тоффлер — три волны. Да мало ли их — этих схем? Последний аргумент в пользу моей схемы, объясняющий, откуда она могла бы возникнуть, — ссылка на структуру величайшего документа культуры — Библии. Обратите внимание, как разворачивается история, как следуют одна за другой формы коррекции Творцом земной жизни. В начале это — грубое насилие. Природными стихиями — водой и огнем, Бог истребляет всякую плоть, извращающую путь свой на земле. И сами люди, грубые и жестокие, живут в непрерывной резне. Затем Бог издал, призвав только одного из людей, дает им Закон. И поручает этому одному, Моисею, судить народ. Наконец он сам приходит к людям в обличьи простого человека, который учит их любви и умирает, распятый ими на кресте. Любовь пришла в мир через жертву. Вот вам источник моей схемы.

Может быть, по этой схеме совершается историческое творение человека? В начале он — только тело и сила, затем он — разум и право, и, наконец, он — сердце и любовь. А возможно, это — следующие одно за другим открытия человечества. Открытия не разума, а жизни. А разум их обнаруживает, удивляется им и обосновывает. К примеру, сначала появилось, а затем стало обосновываться открытие того, что

желаемого можно достичь не кровопролитием, а говорением. Насилие же не открывается, оно укоренено уже в биологию.

В заключение, исходя из мысли об открытиях самой жизни, идущей впереди разума, дам один педагогический совет. Если вас спросит дитя, почему мы живем по праву, ответствуйте так: те племена и народы (а также отдельные индивиды), которые не стали жить по праву, давно вымерли. Может быть, когда-то в далеком будущем дитя спросит: почему мы живем по любви? Ответ, согласитесь, будет аналогичным.